

РЕЦЕНЗИЯ
на «Словарь неологизмов Игоря-Северянина»
В.В. Никульцевой
(М.: Издательский центр «Азбуковник, 2008. – 380 с.)

Авторская лексикография на сегодняшнем этапе развития лингвистики отнюдь не падчерица, не «трудный подросток» в благородной области кропотливейших филологических разысканий, целью которых является оптимизация методики составления словарей и само их создание. В этой сфере уже многое сделано отечественными учеными, а потому разнообразен круг изданных трудов, запечатлевших отношение мастеров слова к средствам русского языка и демонстрирующих их репертуар, отразивших поиски новых средств воплощения идеи, создания образности. Велика заслуга в этом ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, обобщающего опыт и координирующего словарные проекты (Л. Л. Шестакова), но весьма значимой является и научная инициатива исследователей, которые посвящают свою деятельность феномену языка художественной литературы, изучению идиолектов и идиостилей прозаиков, драматургов, поэтов.

Викторией Валерьевной Никульцевой при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №07-04-94479д) создан замечательный «Словарь неологизмов Игоря-Северянина» (под редакцией профессора В. В. Лопатина), посвященный памяти академика Н. М. Шанского, с научным руководством которого связано начало исследовательского пути автора книги, проникновение в секреты филологического анализа текста по модели «идея – образ – слово» (с. 8).

Рецензируемый словарь дает глубокое представление о тенденциях и масштабах словотворческой деятельности «Короля поэтов» Серебряного века Игоря-Северянина (выбор варианта написания псевдонима И. В. Лотарева объясняется В. В. Никульцевой тем, что автор сам «до конца жизни подписывал таким образом рукописи своих произведений и письма» – с. 5), который завораживает читателя тонкой игрой со звуком-словом-образом: *Ярко-цветная зелень сосен, / Желтозлать берез...; Снежеет, ледеед даль...; Июлил вечер, мечтая звёзды высець...; И лес в одежде цвета изумруда, / И небо шатровидное из туч.*

Избрав в качестве объекта словарной фиксации индивидуально-авторский неологизм, В. В. Никульцева отразила в своем труде живой интерес к таким актуальным проблемам антропоцентрической парадигмы лингвистики, как *языковая личность и картина мира* творца текста, слово-неологизм как оригинальный вход в *концептуальное пространство* творчества, *субъективное и объективное* в идиолекте и идиостиле и т. д. Это нашло отражение и в реализованной В. В. Никульцевой концепции построения словаря, согласно которой неологизм понимается широко (ср.: *цитрист* – «Человек, играющий на цитре», или *нежно-кроткий* – «Одобр. Нежный и кроткий», или *ограндиозив* – «Шутл. Сделав грандиозным»). В словаре неологизм представляется «и языковым, и речевым явлением [Выделено автором словаря. – В. Л.]: возникающая в индивидуальной речи писателя, слово затем переходит в язык писателя / писателей – отсюда большое количество неологизмов заимствованного характера» (с. 7), которые сначала принадлежат определенному литературному кру-

гу, а по опубликовании произведений становятся тиражируемыми в широкой аудитории поклонников талантов, читателей. Помещение этого материала дает пищу для серьёзных филологических раздумий.

В. В. Никульцева сумела преодолеть такие препятствия при подготовке словаря, как отсутствие полного собрания сочинений Игоря-Северянина, затрудняющие трактовку семантики, опечатки и искажения текстов некогда изданных произведений, выделив методом сплошной выборки 3300 единиц из 37 книг, в том числе рукописных, а также из неопубликованных стихотворений. Корпус словаря впервые представляет неологизмы поэта так полно. Её работа имеет прочную научно-теоретическую базу, главным методом исследования послужил комплексный аналитико-синтетический, причем неологизмы рассматривались в синхронном и диахронном планах с использованием важного в таком случае приема сопоставления, для чего требовался учет данных семного анализа – тонкой операции, провести которую успешно может лишь чуткий исследователь-интерпретатор текстовой поэтической ткани.

Принципы составления словаря, его микро- и макроструктура являются глубоко продуманными и заслуживают внимания современных исследователей поэтического слова, поскольку позволяют выполнить полиаспектное описание-представление фиксируемых единиц.

В макроструктуре «Словаря неологизмов Игоря-Северянина» выделяется введение, собственно корпус словаря и приложения (№ 1 – словник-индекс, № 2 – список литературы), что указывает на поддержку автором рецензируемого труда традиций в словарном деле. Особенности словарной статьи свидетельствуют о новизне в подходе к микроструктуре лексикографического издания. Так, в ее структуре В. В. Никульцевой отмечается 12 компонентов, соответствующих как традиционным для большинства словарей и признанных лексикографами необходимыми для пользователя зонам (входная, т.е. заголовочное слово – *лексема*; зона *помет*, говоря о которых подчеркнем важность акцентологических и грамматических сведений, контекстуальную определенность стилистических интерпретаций; зона *толкования*; иллюстративная – *цитаты* с точным адресом), так и мотивированных жанром аспектного словаря с неологизмом как объектом фиксации (зона сведений о *способе* образования, производящем слове; обращение к *языку-источнику* для образований от заимствованных морфем).

Большой заслугой В. В. Никульцевой считаем определение значения и стилистического потенциала каждого неологизма. Эта операция требовала от ученого осмысления сверхтекста Игоря-Северянина, большой гибкости и одновременно строгости в оценке контекстуальных смыслов, несомых единицей, учета семантического окружения, понимание влияния узуса и среды, решения вопроса о полисемии и омонимии единиц идиолекта поэта. См.: *БЛЁКЛО-ШУМНЫЙ*, -ого, прил. Содержащий тихий шум. Сколько тайной печали, пустоты и безнадежья / В нарастающем море, прибегающем ко мне, / В тишине симфоничной, в малахитовом изнежье, / Мне целующем ноги в блёклошумной тишине («Морская памятка», 1912; 3, с. 64=Р, с. 5); *ИСКУССТВИК*, -а, м., суц. Человек искусства. Однако же, у всяких вкусов / Излюбленный *искуств<в>ик* свой: Одним мил Дэбюсси и Брюсов, / Другим – Серов и А. Толстой («Тайна песни», 1918; С, с.172); ...А Игорь, в очередь свою, / С улыбкой *исхитро-бесовской* / Собрал *искуствиков* семью: / Бурлюк, Игнатъев, Маяков-

ский (КСЧ, 1923, ч. II, с. 37); - *Вы гений милостью Господней, / Искусствик Вы par excellence!* (РЛ 2, 1925, ч. III, с. 60); *Я, перечитывая Ваши письма, / С десят<e>ричным повсеместно "i", / Куда искусствик столь искусно втиснул / Нить похвалы, те вспоминаю дни* («Сергею Прокофьеву», 1927; ЛС, л. 80).

Как можно наблюдать, читая словарь В. В. Никульцевой, неологизмы семантизируются с учетом всего контекста стихотворения или (как идиолектемы, в нашем понимании) ряда произведений, учитываются закономерности идиостилевого повтора.

К несомненным достижениям лексикографа, которые презентированы этим изданием, относится то, что В. В. Никульцева проникает в глубинно-образное содержание северянинских неологизмов и регистрирует важные для осознания их креативного характера семы в толкованиях лексем, что особенно нужно в случаях квалификации такого типа новообразований, как семантемы, которые имеют узуальный омоним или омоним в языке / стиле другого автора-современника: *ОДНОЛЕТНИК* -а, м., сущ. Разг. Сверстник. *Со мною Гришка-однолетник, Шалун, повеса из повес, / Сын рыжей скотницы Евгений; / И там, средь бричек, тюльбэри, / Мы, стибрив в кладовой варенье, / В пампассы, - черт нас побери!* - *Катались с ним, на месте стоя...*(РОЧ, 1923, ч. II, с. 35). ... Ср. МАС: *Однолетник* «однолетнее растение». См. также: ТАЛЬ, -и, ж., сущ. *Талая вода, капель. Дитя и зверь, Анахорет и воин. / Фиорда лед и оттепели таль* («Гамсун», 1925; МСВ, с. 25). ... Ср. [Блок, II-15]: *И ушла в сиреневую даль, / Где дымилась весенняя таль, / Где кружилась над лесом печаль* («На весеннем пути в теремок...», 1905); [Блок, II-45]: *Весенних талей вздохи томны, / Звездясь, синее тонкий лёд* («Вот – в изнурительной работе...», 1904); [Блок, III-153]: *Вербы – это весенняя таль, / И чего-то нам светлого жаль, / Значит, - теплится где-то свеча, / И молитва моя горяча, / И целую тебя я в плеча* («Вербы – это весенняя таль...», 1914). Ср. [Пастернак, I-98]: *Разве только грязь видна вам, / А не скачет таль в глазах?* («Весна, 3», 1914). Ср.: ССРЛЯ-17, Уш.: *Таль* «оттепель». Как видим, В. В. Никульцевой в последнем примере при семантизации неологизма Игоря-Северянина *таль* отражается дифференцирующая смысловая составляющая – ‘капель’, чем подчеркивается своеобразие единицы.

У «Словаря неологизмов Игоря-Северянина» В. В. Никульцевой много различных достоинств, о которых следует писать. Но мы еще раз подчеркнем, что считаем особенно ценным сравнительно-сопоставительный характер представления состава корпуса, благодаря чему неологизмы Игоря-Северянина не оторваны от литературного контекста эпохи и тенденций развития художественно-стилистических направлений Серебряного века. Все свидетельствует об актуальности, практической значимости рецензируемого издания, где демонстрируется такой подход к индивидуальному, субъективному в тексте и, следовательно, в идиолекте и идиостиле автора, применение которого раскрывает объективные связи тенденций креативной деятельности писателей-современников. Этот подход позволил В. В. Никульцевой получить интересные данные, он методически оправдан и будет способствовать развитию авторской лексикографии в целом.

*Рецензент – доктор филологических наук,
профессор кафедры современного
русского языка МГОУ Леденёва В.В.*